

ложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. Принимая это во внимание, автор обращается к «Грамматике современного русского литературного языка» (Москва 1970), в которой подчеркнута синтаксическое равноправие частей сложносочиненного предложения. Л. П. Васинова отмечает, что и в русском языке определение нуждается в уточнениях. Для марийского же языка нужны существенные дополнения: в сложносочиненном предложении в отличие от сложноподчиненных могут объединяться синтаксически равноправные части, которые выполняют одну синтаксическую функцию относительно друг друга и образуемого

ими целого. Однако синтаксическое равноправие частей — не обязательный признак сложносочиненных предложений. Существенно, т. е. отличает сложносочиненные предложения от других типов сложных предложений (сложноподчиненных и бессоюзных), наличие союзов и союзных частиц (с. 215).

Труд Л. П. Васиновой представляет собой новое достижение марийского языкознания. Он несомненно интересен для всех, кто занимается вопросами синтаксиса и стилистики финно-угорских языков.

ЮРИЙ АНДУГАНОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.1.18>

Г. И. Тираспольский, И. А. Куратов — языковед, Сыктывкар 1980. 143 с.

За годы советской власти изучение творческого наследия первого коми поэта и лингвиста Ивана Алексеевича Куратова достигло значительных успехов. Изданы монографии и статьи о его жизни и деятельности, о его творческом методе. Рецензируемая книга Г. И. Тираспольского представляет собой первое оригинальное исследование лингвистических взглядов И. А. Куратова. Правда, труды И. А. Куратова по коми языку и раньше привлекали внимание дореволюционных и современных исследователей, высказывания их встречаются в работах, посвященных истории коми литературного языка. Книга Г. И. Тираспольского — первое обобщающее исследование по истории изучения коми языка И. А. Куратовым, его предшественниками и современниками.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе «Судьба лингвистических работ И. А. Куратова и история их исследования» автор дает оценку основным работам, в которых осмыслились общественно-политические убеждения, эстетические, художественные и исследовательские принципы И. А. Куратова, указывает на ряд серьезных методологических и других просчетов, допущенных предшествовавшими куратоведцами.

Необходимо отметить, что в этой главе автор незаслуженно высоко оценивает труды некоторых современных исследователей, которые, на наш взгляд, не со-

держат глубокого анализа важнейших проблем лингвистической науки XIX в. Возражение вызывает мысль его о том, что на лингвистическое творчество И. А. Куратова в некоторой степени неблагоприятно подействовал резко отрицательный отзыв о его грамматических исследованиях первого коми ученого-лингвиста, современника и земляка И. А. Куратова Георгия Степановича Лыткина, жившего и работавшего в Санкт-Петербурге около 50 лет. Это утверждение в известной мере противоречит действительности и приводит читателя к нежелательному выводу, будто Г. С. Лыткин был противником изучения коми языка. В нашем распоряжении имеются факты, свидетельствующие о том, что Г. С. Лыткин с детских лет мечтал о просвещении своего народа, верил в его способности. На свое образование он смотрел как на средство для просвещения коми. Теперь, когда внимание исследователей направлено на изучение творчества И. А. Куратова и Г. С. Лыткина, необходимо отметить, что всю свою жизнь они делали одно дело — старались по мере своих сил, способностей нормализовать коми литературный язык (у И. А. Куратова филологическая наука тесно связана с художественной практикой, у Г. С. Лыткина — с лексикографической и переводческой деятельностью), повысить интерес к нему русской общественности, развивать науку о коми языке.

В главе нашли отражение работы Е. С. Гуляева о творчестве И. А. Куратова. Особый интерес автора рецензируемой книги вызвала статья Е. С. Гуляева «Комментарии к высказываниям И. А. Куратова о языке», которая посвящена наиболее сложным и дискуссионным вопросам в лингвистической деятельности поэта, а именно: на основе каких трудов, идей формировались языковедческие взгляды И. А. Куратова. Г. И. Тираспольский выступает против утверждения о том, что общелингвистические воззрения И. А. Куратова формировались под влиянием немецкого ученого Вильгельма Гумбольдта и что И. А. Куратов воспринял (правда, критически) его типологическую классификацию языков. Он справедливо отмечает, что творчество В. Гумбольдта, безусловно, не могло не оказать воздействия на лингвистические взгляды И. А. Куратова, но приписывать влияние на коми просветителя В. Гумбольдту рискованно, так как типологические идеи, выдвинутые немецкой лингвистической наукой, разработывались в трудах многих крупных языковедов.

Вторая глава «Общелингвистические взгляды И. А. Куратова» представляет собой важный этап исследования поставленных автором вопросов. Общелингвистические воззрения И. А. Куратова формировались в сложный период в истории языкознания, связанный с принятием сравнительно-исторического метода многими зарубежными и отечественными мыслителями-философами, языковедами. Автор правильно определяет, где необходимо искать истоки лингвистических взглядов И. А. Куратова. В его работах по коми языку Г. И. Тираспольский обнаруживает много точек соприкосновения с выдающимися трудами крупнейших лингвистов, философов XIX и предшествующих веков. Однако сложность и идейная противоречивость языкознания затрудняли выбор собственной позиции. Незавершенность, ненормализованность коми языка мешали ему осуществить свои замыслы. Отсюда и уязвимость в некоторых вопросах. Однако И. А. Куратову, ученому-самоучке, удалось сделать многое по изучению родного языка, а в решении некоторых языковых проблем он поднялся выше концепций некоторых известных

языковедов, например, тех, которые пытались приписывать различным типам современных языков неодинаковую степень их грамматического совершенства и т. д.

Автор монографии развивает мысль о том, что И. А. Куратов, оторванный от центров лингвистической мысли, не мог познакомиться с сочинениями некоторых ведущих отечественных и зарубежных языковедов. При более близком знакомстве с лингвистическими работами, набросками и замечаниями И. А. Куратова с этим трудно согласиться, так как в них нашли отражение важнейшие достижения языковедческой науки. Необходимо учесть, что не все работы И. А. Куратова дошли до нас, может быть, из-за этого и получились пробелы, отсюда, может быть, принятие идей той или иной языковедческой школы. Г. И. Тираспольский, например, сомневается в том, каким путем И. А. Куратову удалось познакомиться с грамматикой В. Г. Белинского. Надо полагать, что с одними работами он мог познакомиться в подлиннике, сведения о других получал из русских журналов и других изданий. В пользу этого предложения говорит и то, что устьсысольская публичная библиотека со дня открытия считалась одной из лучших провинциальных библиотек России.

Важно, что автор монографии пытается привести в систему высказывания и заметки И. А. Куратова по многим проблемам грамматики, философским вопросам, дает оценку дошедшим до нас лингвистическим работам коми ученого. Он пользуется даже стихотворными произведениями И. А. Куратова в качестве иллюстративного материала.

В третьей главе «И. А. Куратов и сравнительно-историческое языкознание первой половины XIX века. Взгляды Куратова на развитие языка» лингвистическая деятельность И. А. Куратова рассматривается на фоне важнейших научных достижений в области сравнительно-исторического языкознания в России и за рубежом в первой половине XIX века. Здесь теоретический материал органически сочетается с данными предыдущей главы монографии.

Необходимо отметить, что финно-угорские языки появились в поле зрения науки по сравнению с индоевропейскими языками довольно поздно. Однако к тому

времени, когда И. А. Куратов начал писать свои лингвистические работы, в финно-угроведении было сделано уже немало: несмотря на большие достижения сравнительно-исторического метода в изучении финно-угорских языков, И. А. Куратов, как справедливо отмечает автор монографии, тяготеет к описательным исследованиям отечественных языковедов, а не к их сравнительно-историческим трудам.

В заключительной главе «Вклад И. А. Куратова в исследование коми языка» внимание автора также обращено к лингвистической деятельности И. А. Куратова. XIX век — значительный этап в становлении и развитии коми языкознания: появляются сочинения по коми языку — грамматики, руководства, наставления, словари; осознается необходимость выработать единые нормы коми литературного языка. Г. И. Тираспольский подвергает анализу свыше десяти лингвистических работ по коми языку, принадлежащих перу предшественников и современников И. А. Куратова, дореволюционных исследователей. Следовало бы здесь остановиться и на работе М. Ф. Истомина «Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов» (см. Архангельские губернские ведомости, 1857, 12—34), которая также отражает уровень развития ижемского диалекта коми языка, хотя и не имеет точек соприкосновения с куратовскими лингвистическими работами. Автор рецензируемой книги знакомит читателя с основными биографическими сведениями каждого исследователя, краткой историей выхода в свет того или иного труда, приводит отзывы современников о коми грамматиках. Он видит в работах не только промахи с точки зрения уровня современной лингвистической науки, но отмечает и положительные стороны, находит верные наблюдения исследователей при изучении коми языка. Вместе с тем он объективно подходит к куратовским замечаниям об этих работах, отмечает его ошибки при подходе к той или иной работе, отмечает подражание грамматикам традиционным. Детальный анализ грамматик прошлого столетия — несомненное достоинство рецензируемой книги, это богатый материал по истории коми языкознания, который впервые вводится в научный оборот. На наш взгляд, научная цен-

ность данной главы заключается и в широком и разностороннем освещении современного состояния коми лингвистики. Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что давно назрела необходимость в составлении толкового словаря коми языка с учетом всех достижений современной лексикографической науки.

Критически оценивая опыт составления коми грамматик, руководств, наставлений XIX века, автор указывает, что необходимо объективно подходить к изучению коми языка, так как плодотворное и интенсивное развитие русской грамматической науки за длительный период времени сильно повлияло на исследовательскую работу в области коми национального языка. Именно это затмило многие типологические особенности грамматической структуры коми языка.

Г. И. Тираспольский совершенно правильно отмечает, что до сих пор не переиздана ни одна из грамматик коми языка дореволюционного периода. По своим достоинствам лучшим грамматическим наставлением по коми языку прошлого столетия автор монографии считает грамматику Алексея Ивановича Попова, преподавателя словесности Вологодской духовной семинарии, и предлагает издать ее с соответствующим справочным аппаратом и лингвистическими комментариями.

К сожалению, автор монографии не затрагивает очень важный вопрос: как же использовался языковедами опыт работы над коми языком деятелей XIX столетия в формировании коми литературного языка, при составлении учебников, руководств для школ, пособий по коми языку для вузов.

Глава завершается своеобразным и интересным перечислением основных результатов исследований И. А. Куратовым коми языка.

В книге имеются некоторые фактические неточности. Так, нельзя считать верным утверждение, что в свое время наряду с М. А. Кастреном к реакционерам причисляли академика Ф. И. Видемана и профессора П. И. Саввантова.

К сожалению, в книге употребляются несуществующие, незаконные термины — *зырянист*, *зырянистика*, *зыряноведеы*. Правда, последний в текстах прошлого века встречается.

Автор не исправил ошибку, допущенную в издании 1939 года, где отмечается

П. З. Кокшаров вместо П. В. (Павел Во-
нифатьевич) Кокшаров (с. 65). Неверно
указана дата (1906) смерти Г. С. Лыт-
кина, он умер в 1907 году.

Все эти замечания, безусловно, не ка-
саются основных положений и выводов
автора. Книга «И. А. Куратов — языко-
вед» — серьезное исследование, вносящее

много нового в освещении процессов ста-
новления и развития коми языковедения.
Наряду с большой научной, теоретической
значимостью она может служить практи-
ческим пособием при изучении истории
коми языка.

И. Н. КОСТРОМИНА (Сыктывкар)

И. В. Тараканов, Иноязычная лексика в современном
удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмурт-
ского языка для студентов высших учебных заведений,
Ижевск 1981. 104 с.

Рецензируемая работа посвящена пробле-
ме словарного запаса удмуртского языка.
Она составляет важное звено в системе
учебных пособий для вузов, так как в
«Грамматике современного удмуртского
языка» (ч. I, Ижевск 1962) раздел лекси-
кологии не представлен, а «Удмурт лекси-
кая очеркъёс» (Ижевск 1970) представ-
ляет собой популярное изложение вопросов
удмуртской лексикологии, что не пред-
усматривало научной глубины рассмотре-
ния проблем лексики. Автор рецензируе-
мой книги ограничивает свою цель пока-
зом древнейших заимствований и заим-
ствований из тюркских языков, оставляя
вне поля зрения русские заимствования и
советизмы.

Исследование И. В. Тараканова со-
стоит из трех разделов: «Понятие об ис-
конной и заимствованной лексике и заим-
ствованиях», «Индоевропейские и индо-
иранские заимствования», «Тюркские за-
имствования в удмуртском языке». По-
следний подразделяется на три части:
«Древнетюркские заимствования», «Бул-
гарские заимствования», «Татарские заим-
ствования».

Автор проводит четкую дифференци-
ацию понятий заимствований и заимство-
ванных слов. Заимствованиями он назы-
вает процесс перемещения языковых
средств из одного языка в другой. К за-
имствованным элементам им относятся
слова, структуры слов, синтаксические мо-
дели предложения (структурно-синтакси-
ческие заимствования). Подробно рас-
сматриваются неязыковые (экстралингви-
стические) и языковые (внутренние) при-
чины заимствований. К экстралингвисти-

ческим отнесены различные непосредствен-
ные или опосредованные связи между на-
родами в области политической, торгово-
экономической и культурной жизни. В ре-
зультате оживленных торгово-экономиче-
ских связей в древности у удмуртских
племен с южными соседями появились
индоиранские заимствования типа *зарни*
'золото', *корт* 'железо' и т. д.

К внутренним причинам заимствова-
ний И. В. Тараканов относит стремление
языка удовлетворить потребности разви-
тия лексической системы, а именно —
а) необходимость устранения существую-
щих омонимов или многозначности иско-
но удмуртских слов (так, русское заим-
ствование *копейка* вместо собственно уд-
муртского *кон'ы* 'белка' устраняет омони-
мию); б) стремление уточнить соответ-
ствующие понятия; в) тенденция к замене
наименований, выраженных словосочета-
ниями, одним словом.

В работе даются подробные сведения
об индоевропейских и индоиранских заим-
ствованиях. Ссылаясь на известных иссле-
дователей индоевропейско-финно-угорских
языковых контактов А. Йоки и В. И. Лыт-
кина, И. В. Тараканов выделяет в перм-
ских языках (и соответственно в удмурт-
ском) доарийский, праарийский и иранский
пласты заимствований. Указанные пласты
различаются по фонетическим признакам
заимствованных слов. По мнению автора,
многие из иранизмов проникли в удмурт-
ский язык через посредство татарского и
булгарского, претерпели фонетическую
адаптацию под действием тюркских язы-
ков и имеют статус тюркских заимствова-
ний, число таких слов превышает 90 лек-
сических единиц.